

По поводу возраженій М. А. Газенкампа.

М. А. Газенкампа по поводу воспоминаній моихъ о К. В. Левицкомъ дѣлаетъ нѣкоторыя возраженія.

Прежде всего онъ утверждаетъ, что Левицкій былъ ни при чемъ въ быстрой карьерѣ Гурко, что „Великій Князь слишкомъ высоко цѣнилъ Гурко, чтобы нуждаться въ подсказкѣ Левицкаго“.

Противъ высокаго мнѣнія Великаго Князя о Гурко я, конечно, спорить не буду. Но всякому извѣстно, какимъ образомъ составляется хорошее или дурное мнѣніе о человѣкѣ, и какую роль играетъ во-время сказанное хорошее или дурное слово, особенно хорошее. „Дурная слава по дорожкѣ бѣжитъ“—справедливо говоритъ пословица; совсѣмъ другое—слава хорошая. Она упрочивается не такъ-то легко, и вотъ я положительно утверждаю, что Левицкій, всегда, просто восторженно отзывался о Гурко. Такой отзывъ о покойномъ фельдмаршалѣ, и отзывъ, конечно, вполне справедливый, я слышалъ отъ Левицкаго еще на маневрахъ подъ Таицами, когда произошло описанное мною столкновение Левицкаго со Скобелевымъ и когда Гурко командовалъ только полкомъ.

Великій Князь, безъ сомнѣнія, зналъ Гурка, какъ прекраснаго строевого офицера. Левицкій же всегда и вездѣ кричалъ о Гурко, какъ о выдающемся военачальникѣ. Это я свидѣтельствую отъ сердца, и не думаю, чтобы горячее мнѣніе Левицкаго, которому Великій Князь такъ довѣрялъ, особенно до военнаго совѣта 1-го сентября—было гласомъ вопіющаго въ пустынь. Надо напротивъ того полагать, что оно послужило огромнымъ плюсомъ въ мнѣніи Великаго Князя о Гурко не только какъ о прекрасномъ строевомъ офицерѣ, но какъ о способномъ, рѣшительномъ боевомъ начальникѣ—генералѣ.

И это ни мало не отнимаетъ у Великаго Князя чести назначенія Гурко на отвѣтственные роли, если бы даже назначенія эти были слѣдствіемъ совѣтовъ, или „подсказокъ“ Левицкаго, какъ выражается почтенный оппонентъ. Не отнимаетъ чести потому, что совѣты давать легко. Совѣтами вымощенъ весь адъ, какъ и добрыми намѣреніями. Трудно—не давать совѣты, а разобраться въ нихъ, особенно въ военное время; трудно рѣшиться принять тотъ или другой совѣтъ, возложить на себя отвѣтственность передъ родиной и исторіей. Но что Левицкій содѣйствовалъ, на сколько только могъ, возвышенію Гурко—это, на основаніи самыхъ горячихъ отзывовъ Левицкаго о будущемъ фельдмаршалѣ, не подлежитъ для меня ни малѣйшему сомнѣнію.

Могу только добавить, что даже убѣжденіе М. А. Газенкампа о возвышеніи Гурко благодаря его „блистательному“, какъ онъ выражается, первому забалканскому походу—не всѣми раздѣлялось: были мнѣнія, что этотъ смѣлый набѣгъ далъ одни отрицательные результаты и имѣлъ лишь слѣдствіемъ страшную рѣзню привѣтствовавшихъ насъ забалканскихъ болгаръ. И то или другое мнѣніе объ этомъ походѣ лица компетентнаго и пользовавшагося довѣріемъ, несомнѣнно, могло оказать на впечатлительнаго Великаго Князя огромное вліяніе.

Не желая вовсе рисовать Левицкаго въ розовомъ свѣтѣ и преслѣдуя только истину, я не могу не поставить крупнымъ плюсомъ его дѣятельности надлежащую оцѣнку талантовъ Гурко и горячую, такъ сказать, проповѣдь его военныхъ дарованій.

То же преслѣдованіе истины, одной истины, не позволяетъ мнѣ согласиться со вторымъ возраженіемъ М. А. Газенкампа—по поводу оцѣнки Левицкимъ Скобелева.

Положительно утверждаю, что на сколько вѣрно оцѣнилъ Левицкій Гурко, настолько же близоруко, до Турецкой войны, смотрѣлъ онъ на Скобелева, смотрѣлъ какъ на авантюриста, шалопаю, даже фокусника съ прекрасной протекціей. По этому поводу у меня съ Левицкимъ были неоднократные споры, и мнѣ казалось всегда, что столкновеніе въ Таицахъ оставило на Левицкомъ свой слѣдъ, хотя должно сознаться, что до перехода черезъ Дунай невысокое мнѣніе о Скобелевѣ не принадлежало Левицкому единолично, а раздѣлялось многими, очень многими.

Турецкая война, естественно, сразу открыла всѣмъ глаза, и Левицкій, какъ человѣкъ умный и честный, разумѣется, измѣнилъ свое мнѣніе о Скобелевѣ вслѣдъ за самымъ открытіемъ кампаніи, когда Драгомировъ, пользовавшійся въ арміи огромнымъ авторитетомъ, такъ блистательно аттестовалъ молодого героя.

И для меня остается несомнѣннымъ, что несмотря на гнѣвъ Го-

сударя, если бы молодой генераль свиты Его Величества, покоритель Ферганы, кавалеръ Георгія 3-го и 4-го классовъ, былъ въ арміи желаннымъ гостемъ, то, конечно, получилъ бы назначеніе болѣе почетное и отвѣтственное, чѣмъ прикомандированіе къ отцу, „начальнику казачьей бригады“. Хороша роль для боевого генерала Свиты Его Величества съ Георгіемъ на шеѣ, которому пришлось, по выраженію самого же моего оппонента, „отпрашиваться у отца“, чтобы поступить „въ распоряженіе начальника 14-й пѣх. дивизіи“!!!

Совершенно непонятными, наконецъ, являются слова почтеннаго оппонента, „не могущаго оставить безъ возраженія“ (подлинныя слова) моего свидѣтельства о томъ, что Скобелевъ, какъ человѣкъ умный и ловкій, успѣлъ завоевать Казиміра и послѣ взятія Плевны обмѣнялся съ нимъ георгіевскими крестами; непонятнымъ „возраженіе“ становится потому, что самъ же авторъ его подтверждаетъ, что послѣ Плевны они крестами обмѣнялись, и что это „было со стороны Скобелева тонкимъ знакомъ сочувствія и дорогого для Левицкаго вниманія“. Почтенный оппонентъ мой „удостоверяетъ“, при этомъ, что „въ каждый свой прїездъ въ главную квартиру Скобелевъ всегда заходилъ къ Левицкому и подолгу сидѣлъ у него“. Что же, эти „удостоверенія“ и „возраженія“ неужели могутъ служить „опроверженіемъ“ моихъ словъ, а не подтверждаютъ ихъ? И неужели Левицкій долженъ былъ принимать недружелюбно генерала, имя котораго къ тому времени гремѣло въ арміи и было у всѣхъ на устахъ, а не трогаться этими посѣщеніями, несомнѣнно льстившими его самолюбію?

„Удостовереній“ и „возраженій“, которыя служили бы лучшимъ подтвержденіемъ моего свидѣтельства, кажется, и желать невозможно.

Я, по крайней мѣрѣ, приношу за нихъ мою искреннюю признательность.

А. Витмеръ.

